

Научная статья
УДК 327+81'272
DOI: 10.20323/2658-7866-2025-3-25-47
EDN LVQHSX

Языковая политика в Республике Гана: социоаксиологическая перспектива

Инна Алексеевна Воронцова

Кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода,
Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского,
г. Ярославль

arinna1@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5897-9299>

Аннотация. В настоящей статье языковая политика Республики Гана исследуется сквозь призму социоаксиологического подхода, что позволяет выявить ценностные основания и идейные противоречия, определяющие государственное управление языковым разнообразием. В центре внимания находится достижение баланса между необходимостью языковой интеграции через официальный язык и императивом сохранения этнокультурного многообразия как фундамента национальной идентичности. На примере языковой ситуации в Гане показано, как колониальное наследие влияет на выстраивание языковой иерархии, где английский язык, занимающий доминирующее положение в образовательной, административной сферах и СМИ, маргинализирует статус местных языков. Автор статьи полагает, что существующие законодательные инициативы и программы поддержки языков коренных народов Ганы сталкиваются не только с проблемами утилитарно-практического характера (ограниченный охват образовательными проектами, дефицит ресурсов и др.), но и с ценностным конфликтом между глобализационными и локалистическими ориентирами. К положительным сдвигам в имплементации языковой политики в Республике Гана относятся медиа-вещание на местных языках, интеграция языков коренных народов в цифровую среду, реализация различных этнокультурных проектов и инициатив. В заключении обосновывается, что эффективная языковая политика должна носить комплементарный характер, будучи нацеленной как на функциональное распределение языков, так и на гармонизацию аксиологических систем: обеспечение социальной справедливости, устойчивого развития и сохранения национального культурного кода через сбалансированное укрепление официального и автохтонных языков.

Ключевые слова: языковая политика; многонациональное государство; Республика Гана; аксиология; ценность; культурная идентичность; языковое разнообразие; колониальное наследие; образование; СМИ

© Воронцова И. А., 2025

Статья подготовлена в рамках Государственного задания Ярославскому государственному педагогическому университету им. К. Д. Ушинского на 2025 год от Минпросвещения РФ по теме «Аксиологические основы формирования ценностных ориентаций студентов в рамках международной академической мобильности в системах высшего образования России и Западной Африки (Гана, Кот-д’Ивуар)» (номер реестровой записи 720000Ф.99.1.БН62АБ84000).

Для цитирования: Воронцова И. А. Языковая политика в Республике Гана: социоаксиологическая перспектива // Мир русскоговорящих стран. 2025. № 3 (25). С. 47–64. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2025-3-25-47>. <https://elibrary.ru/LVQHSHX>.

Original article

Axiological aspects of implementing language policy in a multinational state (the case of the Republic of Ghana)

Inna A. Vorontsova

Candidate of philological sciences, associate professor of the department of theory and practice of translation, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl
arinna1@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5897-9299>

Abstract. The present article employs a socio-axiological approach to examine the language policy of the Republic of Ghana. This approach facilitates the identification of the value foundations and ideological contradictions that determine the state’s management of linguistic diversity. The primary objective is to achieve a balance between the necessity for linguistic integration through the official language and the imperative to preserve ethnocultural diversity as the foundation of national identity. The case of Ghana demonstrates the persistent influence of the colonial legacy on the establishment of a linguistic hierarchy, wherein English, occupying a dominant position in education, administration and the media, marginalizes the status of local languages. The author of the article posits that extant legislative initiatives and programs designed to support indigenous languages are confronted not only with pragmatic challenges (including limited coverage of educational projects and inadequate resources) but also a conflict of values between globalization and localization. Positive developments in the implementation of language policy include media broadcasting in local languages, the integration of indigenous languages into the digital environment, and various ethnocultural projects and initiatives. In conclusion, it is argued that effective language policy should be complementary in nature, aiming not only at the functional distribution of languages, but also at the harmonization of axiological systems. The purpose of such policy is to ensure social justice, sustainable development and the preservation of the national cultural code through the balanced strengthening of official and indigenous languages.

Key words: language policy; multi-ethnic state; Republic of Ghana; axiology; value; cultural identity; linguistic diversity; colonial heritage; education; media

The article was prepared within the framework of the State Assignment to Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky for 2025 from the Ministry of Education of the Russian Federation on the topic “Axiological bases of formation of students’ value orientations within the framework of international academic mobility in the higher education systems of Russia and West Africa (Ghana, Côte d’Ivoire)” (registry number 720000F.99.1.BN62AB84000).

For citation: Vorontsova I. A. Axiological aspects of implementing language policy in a multinational state (the case of the Republic of Ghana). *World of Russian-speaking countries*. 2025; 3(25): 47–64. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2025-3-25-47>. <https://elibrary.ru/LVQHSX>.

Введение

Язык как сложное социальное явление выступает обязательным условием формирования и развития любой этнической общности. Социально-культурный опыт поколений, зафиксированный и систематизированный в национальном языке, формирует уникальное видение человеком и отдельным лингвокультурным обществом окружающей действительности. Благодаря коллективному социально-историческому прошлому у представителей одного этнокультурного сообщества складывается единая и отличная от других модель действительности, строящаяся на самобытной системе когнитивных, эмотивных и нормативных принципов мировосприятия [Малев, 2019]. В аксиологическом контексте язык выступает главной ценностью бытия для каждого отдельного индивида и для народа в целом, являясь «своеобразным вербальным геномом этнокультурной общности, лежащим в основе ее национального духа, национально-го характера, национальной идеи,

ментальности. Язык – скрепа любого народа, носитель его цивилизационно-ценностной матрицы, выполняющий социокультурно-генетическую функцию, обеспечивающую сохранение ценностных установок и ориентиров, а тем самым единство нации и культуры» [Малев, 2019, с. 5-6].

Основным механизмом реализации программы сохранения и распространения языка выступает языковая политика государства. Проблема планирования и имплементации языковой политики имеет особую актуальность в многонациональных государствах, где языки отдельных (в первую очередь, малых) этнических групп могут оказаться в зоне риска, будучи вытесненными мажоритарным языком, а носители этих языков будут отрезаны от участия в публичной жизни государства, либо ассимилируются с титульной нацией, утратив этнокультурную идентичность [Петербургский, 2019]. Настоящее исследование посвящено вопросам языковой ситуации и реализации языковой политики в полиэтничном

и мультилингвальном государстве Западной Африки – Республике Гане.

Результаты исследования

По мнению Н. П. Шульгиной, Н. П. Бугаенко, языковая политика – это совокупность идеологических принципов и практических мероприятий по решению языковых проблем в социуме, государстве. Языковая политика является отражением ценностной ориентации государства, ее эффективность зависит от множества факторов – социально-политических, идеологических, психологических, эстетических и др. [Шульгина, Бугаенко, 2014]. Языковая политика является составляющей национальной политики [Бекова, 2024; Замятин, 2023].

Г. Г. Слышкин отмечает, что языковую политику следует рассматривать как комплекс регламентирующих действий государства, направленных на формирование важнейших элементов ценностной картины мира (историческая память, отношение к власти и т. п.), а также служащих оптимизации внутригосударственной коммуникации [Слышкин, 2018].

Языковая политика – это и важный показатель конкурентоспособности страны, инструмент укрепления ее геополитических позиций, компонент «мягкой силы» [Бойчук, 2025; Худоренко, 2020]. Грамотная языковая политика защищает национальные интересы страны, сохраняет ее территориальную и экономическую целостность, способ-

ствует развитию межнационального и межкультурного общения, упрочению творческой, интеллектуальной и нравственной солидарности народов. Языковая политика становится важным стратегическим фактором в обеспечении поступательного развития общества [Шульгина, 2014].

Грамотная языковая политика, в первую очередь в части регламентации статусного соотношения языков на территории государства, имеет, как отмечалось выше, особую значимость в многонациональных государствах с большим количеством народов и этносов, проживающих на их территории. В. Ю. Михальченко выделяет *два важнейших фактора*, способствующих выстраиванию плюралистической языковой политики: учет интересов существующих языковых сообществ и языковое планирование, «отражающее языковые установки общества и нацеленное на долгосрочные перспективы языковой эволюции» [Михальченко, 2024, с. 417]. Среди наиболее важных задач реализации языковой политики в многонациональном государстве следует назвать необходимость достижения баланса между использованием единого государственного (официального) языка для обеспечения коммуникации и интеграции и языков этнических меньшинств, защиты прав меньшинств на использование родных языков в административно-правовой, публичной сфере, обра-

зовании, СМИ. Это непосредственно связано с принятием законов о статусе языков и обеспечением доступности правовой информации на всех основных языках, используемых на территории государства, борьбой с дискриминацией в доступе к работе и услугам из-за языкового барьера, поддержкой преподавания родных языков, включая создание учебных материалов и подготовку педагогов, обеспечением вещания СМИ на разных языках. Необходимы программы обучения государственному языку мигрантов и меньшинств и одновременно поддержка культурных, образовательных и просветительских инициатив на национальных языках. В случае угрозы утраты языков этнических меньшинств требуется финансирование программ по документации и возрождению исчезающих языков.

К главным вызовам в проведении языковой политики в многонациональном государстве относятся:

- противоречия между унификацией (через государственный / официальный язык) и стремлением меньшинств к сохранению национально-культурной и языковой идентичности, давлению языка большинства, а также глобальных языков на местные и, как следствие, утрата родных языков молодежью в пользу более «престижных»;

- демографические изменения, обусловленные миграцией населения, меняющей языковой ландшафт;

- ресурсные ограничения, связанные с высокой стоимостью поддержки многоязычия и дефицитом кадров и материалов для малых языков, и др.

Отдельную группу вызовов формируют проблемы культурного, идеологического и ценностного характера: угроза языковой ассимиляции и утраты культурного наследия; конфликт между «официальной» и «народной» культурами, возникающий в ситуации, когда государственная языковая политика продвигает культуру доминирующей группы, маргинализируя локальные нарративы, что создает иерархию культур, где меньшинства воспринимаются как «второстепенные»; политизация языка и культурные войны, когда язык становится символом идеологической борьбы, а его использование (или запрет) может восприниматься как поддержка / отрицание определенных ценностей. Активное развитие технологий провоцирует угрозу «цифрового разрыва», когда в цифровом пространстве доминируют глобальные языки, а малые языки, напротив, представлены недостаточно, что ограничивает передачу культуры через новые медиа, а цифровой разрыв усиливает неравенство [Dymet, 2019; Zaugg, 2020] и др.

Языковая ситуация в странах Африканского континента исторически отличалась разнородностью и многообразием [Buzasi, 2016]. В доколониальный период на континенте использовалось около (по

некоторым данным – более) двух тысяч языков. Естественные процессы (например, торговля и др.) обеспечивали взаимодействие племен между собой, что приводило к выдвигению отдельных языков как местных *lingua franca*, в частности, суахили в Восточной Африке, хауса в Западной Африке, арабского в Северной Африке.

В период колонизации европейские метрополии навязывали африканским странам свои языки (английский, французский, португальский и др.), используя их как инструмент контроля, однако модели и механизмы насаждения европейских языков отличались друг от друга: так, французская модель отличалась большей жесткостью по отношению к местным языкам, африканские языки подавлялись и вытеснялись (Сенегал, Кот-д’Ивуар, Ангола, Конго и др.). Британская модель характеризовалась большей толерантностью: местные языки сохранялись для управления через туземную администрацию (местных правителей, вождей), которая «выполняла роль буфера между верховной властью европейцев и угнетаемым местным населением» [Багана, 2012, с. 41-42], английский язык становился языком элиты (Нигерия, Кения и др.). Вместе с языком транслировались и ценности метрополии.

После обретения независимости (1960-е гг.) многие африканские страны сохранили языки бывших метрополий в качестве языков

официального общения с целью обеспечения национального единства и получения доступа к глобальным ресурсам. Европейские языки по-прежнему играют значимую роль в бизнесе, политике, науке и поддерживаются межгосударственными объединениями и международными организациями (ср. Британское Содружество наций, Франкофония и др.). Тем не менее в постколониальный период наблюдается рост национального самосознания, что стимулирует интерес к сохранению и распространению национальных, местных языков. Однако, в африканских странах существуют определенные сложности с последовательностью применения мер по поддержке языков коренных народов:

- стратегии проведения языковой политики, закрепленные в директивах министерств и ведомств, как правило, носят рекомендательный характер;

- процесс стандартизации образования на родных языках происходит медленно [Сабирова, 2020];

- наблюдаются проблемы с финансированием проектов по нормализации и цифровизации языков коренных народов [Aboagye Da-Costa, 2019] и др.

Республика Гана – многонациональное государство. Официальным языком Республики является английский. Кроме того, на территории Ганы хождение имеют от 75 до 80 языков коренных народов, 9 (11 – с учетом вариантов языка

акан) из них имеют письменность и получили статус «поддержки правительства», соответственно, используются в образовательной деятельности (*акан* (имеет три диалекта – *аквапим-чви* (*тви*), *ашанти-чви* (*тви*), *фанте*), *эве*, *дагбани*, (*а*)*дангме*, *дагари*, *га*, *нзима*, *гонджа*, *касем*) [Davis, 2012]. Кроме того, часть населения владеет иностранными языками – арабским, французским, рядом чадских языков, имеющих особую значимость для ведения торговой-экономической деятельности в Африке и отражающих особенности миграционных процессов на континенте и в его отдельных регионах [Сабирова, 2021].

Сохранение английского языка как официального (о вариативности ганского английского (*Ghanaian (Pidgin) English*) подробнее см. [Сиака, 2004]) в стране имеет историческую детерминированность. После 1925 г., когда на территории Республики окончательно установилась власть Великобритании (в колониальный период Гана носила название Золотой Берег – *the Gold Coast*), был принят закон об использовании английского языка как языка официального общения, который применялся в административной и судебной практике, образовании и др., и сохранил позицию официального языка после обретения страной независимости в 1957 г.

Укреплению позиций английского языка в постколониальный пери-

од способствовал целый ряд факторов. Во-первых, Гана сразу присоединилась к Британскому Содружеству наций, соответственно, на протяжении всего периода сохраняла связь с бывшей метрополией. Это оказало и продолжает оказывать существенное влияние на особенности функционирования органов законодательной и исполнительной власти в Республике: в частности, заседания ганского парламента и правительства проводятся на английском языке, знание английского – неременное условие для успешной политической карьеры [Сабирова, 2021], получения высшего образования. *Во-вторых*, усиление влияния английского языка в Гане определяет процесс глобализации и открывающиеся вместе с ним перспективы трудоустройства в международных компаниях, вовлеченность в глобальную коммуникацию, доступ к импортным товарам и услугам и др. Английский язык воспринимается как инструмент, необходимый для достижения высокого уровня культурного и интеллектуального развития, экономического и финансового благосостояния. По мнению Д. Р. Сабировой, Р. Тенкоранг, английский язык в Гане считается более престижным, чем местные языки [Сабирова, 2021]. *Наконец*, сохранению доминирования английского и вместе с тем маргинализации языков коренных народов способствовала не всегда стабильная и последовательная языковая

политика, реализуемая правительством в образовательном пространстве и СМИ.

Исследователи (А. Anyidoho, С. Owu-Ewie, А. А. Wornyo) указывают на то, что обучение на родном языке ведется только в первые три года начальной школы, при этом предлагаемые для изучения в школе языки этнических групп не всегда совпадают с родными языками учащихся. Критикуется и порядок введения английского языка как языка образования – резкий переход к преподаванию предметов на английском языке не обеспечивает нормального усвоения учащимися ни английского языка, ни содержания преподаваемых на нем предметов [Anyidoho, 2018; Owu-Ewie, 2006; Wornyo, 2015].

Причины непоследовательности языковой политики в сфере образования в Гане включают отсутствие институционального фундамента для эффективного наблюдения за процессом имплементации языковой политики в образовании, нехватку подготовленных учителей языков коренных народов Ганы, отсутствие учебно-методических материалов для эффективного обучения родным языкам [Сабирова, 2020]. Дополнительной сложностью в продвижении языков коренных народов страны является отсутствие стандартов по их письменной форме.

А. А. Ворньо выдвигает идею о том, что бессистемность в реализации языковой политики, наряду с

отказом от решения более глубоких проблем – слабости материальной базы государственных школ, дефицита кадров, нарушений учителями трудовой дисциплины, отсутствия у учителей мотивации и др. (особенно в сельских районах) – продиктована стремлением правящих (англоязычных) элит сохранить власть в своих руках, обеспечить «закрытость элит» (*elite closure*). По мнению исследователя, политики намеренно игнорируют системные проблемы, чтобы ограничить доступ масс к качественному образованию [Wornyo, 2015].

Отдавая предпочтение овладению английским языком как более перспективным, часть жителей страны все же выступают за повсеместное использование родных языков, справедливо считая их средством отражения национальных ценностей и традиционной культуры [Сабирова, 2020]. О значимости родного языка говорят и специалисты в области билингвизма: по их мнению, качественная подготовка учащихся по родному языку не только обеспечит школьникам определенный уровень грамотности, но и будет способствовать формированию уровня языковой компетентности, необходимой для усвоения английского языка [Сабирова, 2020]. Поддержку получает инициатива по изучению других ганских языков (кроме родного) на старших этапах средней школы.

Д. Р. Сабирова, Р. Тенкоранг отмечают некоторые положительные

сдвиги в сторону национализации («локализации») языковой политики Ганы в образовательной сфере. Исследователи указывают на популяризацию таких ганских языков, как *акан*, *га* и *эве* как одну из мер поддержания самобытной культуры их носителей (следует отметить, однако, что другие авторы [Anyidoho, 2018] говорят о принуждении к изучению этих языков в мультязычных регионах Ганы, где данные языки не являются для школьников родными). Популярность приобретают ежегодные фестивали по сохранению национальных языков и культур. Проводимые мероприятия (национальные игры, фестивали национальной музыки и танца, костюмированные представления и др.) содействуют решению задач устойчивого развития языков коренных народов, их интеграции на социальном и культурном уровнях [Сабилова, 2020].

Д. Р. Сабилова, Р. Тенкоранг достаточно высоко оценивают потенциал языкового проекта *National Literacy Acceleration Program (NALAP)* – комплексной программы обучения грамоте на родном языке, целью которой является формирование у учащихся читательской компетенции на языках коренных народов Ганы [Сабилова, 2020], знакомство школьников с национальными литературами и культурами, формирование системы этнокультурных ценностей. Не все исследователи, однако, разделяют позитивный настрой в отношении

данной программы, отмечая, что она охватывает лишь 9 из 75–80 коренных языков Ганы, лишая, таким образом, школьников возможности полноценно осваивать родной язык и культуру [Anyidoho, 2018].

Изменения сегодня наблюдаются и в языковой политике в сфере СМИ: в последние два десятилетия она отмечена явным разворотом в сторону вещания на языках коренных народов. Если в конце XX столетия в медийном пространстве абсолютно доминировал английский язык (в конце 2000 г., через четыре года после либерализации эфира, когда рынок теле- и радиовещания был открыт для частных компаний, а государственная монополия на СМИ была сокращена, ни одна FM-станция Ганы не вещала на местном языке, исключительно на английском языке вещание вели и все новые FM-станции, появившиеся в тот период, – Joy FM, Gold FM, Vibe FM, Legon FM, Groove FM [Aboagye Da-Costa, 2019]), то сегодня около двух третей FM-станций в Гане ведут трансляции на местных языках, а Государственная телерадиовещательная корпорация Ганы (*Ghana Broadcasting Corporation*) стремится охватить разнообразные этнические группы через вещание на основных местных языках (11 – по данным Отчета о медиа-ландшафте Ганы *African Media Barometer Ghana* (2020)). Трансляции на местных языках обеспечивают до-

ступ к информации неграмотному населению страны, численность которого по-прежнему остается довольно высокой (около 23,4 %, по данным переписи 2010 г.) [Aboagye Da-Costa, 2019].

Признавая безусловно положительные сдвиги в языковой политике в области СМИ, исследователи указывают и на некоторые проблемные зоны. К ограничениям в вещании на языках коренных народов относят некоторую бедность лексического инвентаря местных языков, наличие лакун, которые приходится заполнять, используя прямые заимствования из английского языка или громоздкие описания, что несколько размывает культурное своеобразие языков, негативным образом сказывается на стилистическом оформлении текста. Особенностью работы вещательных СМИ является и то, что новостные тексты пишутся на английском языке, а затем (в прямом эфире) переводятся на местные языки, что обусловлено либо отсутствием у местного языка письменной основы, либо владением дикторами и комментаторами исключительно устной стороной местного языка [Aboagye Da-Costa, 2019].

Положение языка в ганских СМИ закреплено в различных нормативных документах: Национальная политика в области СМИ (*National Media Policy*, 2000), Закон о вещании (*Broadcasting Act*, 2014), Стандарты вещания (*Broadcasting Standards*, 2001), Руководство

Национальной комиссии по СМИ о вещании на местных языках (*National Media Commission's Guidelines for Local Language Broadcasting*, 2009). Во всех этих документах признается, что Гана является полиэтническим, мультикультурным и многоязычным государством, соответственно, все документы пропагандируют использование в СМИ местных языков. Однако исследователи отмечают отсутствие синхронизации языковой политики в СМИ с общей национальной языковой политикой, что ведет к противоречиям: английский доминирует в образовании и официально-деловой сфере, тогда как СМИ продвигают местные языки. Исследователи и общественники также подчеркивают необходимость выработки единого документа, регулирующего использование языков в различных сферах, говорят о недостаточно последовательной и системной деятельности учреждений, ответственных за сохранение языков коренных народов Ганы: так, Бюро языков Ганы (*The Bureau of Ghana Languages*) занимается публикацией литературы только на 11 (включая диалекты *акан*) из 75 (80) местных языков, что ограничивает их развитие; дефицит контроля и поддержки в продвижении местных (главным образом, бесписьменных) языков приводит к их постепенному вымиранию [Aboagye Da-Costa, 2019].

Ощущается острая необходимость в словарях, электронных

справочных и информационных ресурсах на местных языках. Актуальным признается вопрос сокращения цифрового разрыва. Здесь, однако, тоже очевидны качественные преобразования: в частности, компания Google запустила поисковые системы на нескольких ганских языках, в том числе *акан*, *эве*, *хауса* и *га*, предоставив носителям языков доступ к более широкому информационному пространству [Aboagye Da-Costa, 2019].

В рамках исследования вопроса реализации языковой политики в Республике Гана автором статьи был проведен опрос местного населения Республики, нацеленный на уточнение текущей языковой ситуации в Гане (с опорой на конкретный регион) и выявление проблемных зон проводимой в стране языковой политики. Опросный лист содержал 20 вопросов, касающихся использования языков в различных социальных контекстах (общение в семье, образовательных учреждениях, на рабочем месте и др.), уровня владения официальным и местными языками, доступность информационного контента (СМИ, социальные медиа, ИИ-инструменты и др.) на английском и ганских языках, степени обеспокоенности языковой ситуацией и др. Ряд вопросов касался значимости мер поддержки местных языков для сохранения традиций и ценностей этнических групп, проживающих на территории Ганы, и предложений по улучшению языковой

политики в стране на разных уровнях. В опросе приняли участие 64 человека – главным образом, студенты и преподаватели университета Ганы. Возраст респондентов варьировался от 18 до 35 лет, преобладающая возрастная группа – 18–25 лет (93,8 %). Регион проживания – преимущественно, Большая Аккра (76,6 %), остальные регионы представлены существенно меньшим числом участников (Вольта – 7,8 %, Ашанти – 4,7 % и др.).

Нативный лингвистический портрет описываемой группы респондентов весьма разнороден и включает такие языки, как *чви* (*аквавим-чви* (*тви*) и *ашанти-чви* (*тви*)) являются наречиями языка *акан*, респонденты не уточняли, каким из наречий владеют) – 43,8 % (28 человек), *эве* – 14,1 % (9 человек), *га* – 12,5 % (8 человек), *фанте* – 12,5 % (8 человек), *дагбани* – 3,2 % (2 человека), *дангме* – 1,5 % (1 человек), *зарма* (джерма) – 1,5 % (1 человек), *фарефаре* (фрафра) – 1,5 % (1 человек); 9,4 % (6 человек) респондентов считают родным языком английский. Уровень владения родным языком респонденты в основном (79 %) оценивают как высокий (42,2 % (27 человек) оценили его как «уровень родного языка» (*native*), 35,9 % (23 человека) – как «продвинутый» (*advanced*)); тем не менее 12,5 % (8 человек) указали, что владеют родным языком на среднем уровне (*intermediate*) и 9,4 % (6 человек) – на базовом.

Для 100 % респондентов родной язык является основным средством общения в семье, что представляется вполне естественным и предсказуемым, однако с учетом значимости английского языка в других социальных контекстах в 22 случаях (34,4 %) английский указывался как язык домашнего общения наряду с коренным ганским языком (напомним, что для 6 участников английский является родным). Все респонденты (100 %) назвали английский язык основным средством коммуникации на работе; 84,4 % (54 человека) оценивают знание языка бывшей метрополии как крайне необходимое (*essential*), 15,6 % (10 человек) – как полезное (*useful*) для участия в социально-экономической жизни общества. Для 6 участников опроса рабочими языками также являются чви – 6,4 % (4 человека) и русский язык – 3,2 % (2 человека), что объясняется спецификой группы, принимавшей участие в опросе (значительная часть респондентов изучает русский язык как иностранный в рамках своих образовательных программ – см. [Бойчук, 2025, с. 96-97, 100-103], некоторые преподают русский язык). Спектр языков, которыми респонденты владеют на уровне, обеспечивающем комфортную коммуникацию, дополняется языком хауса (1,5 % – 1 человек (язык распространен в целом ряде государств Западной Африки, в том числе Нигерии, Нигере, Камеруне, Гане и др.)) и французским (1,5 % –

1 человек), что в целом соответствует лингвистическому ландшафту Африканского континента вообще и Ганы, в частности, отмечаемому другими исследователями [Сабирова, 2021].

В 100 % случаев английский язык указывался респондентами как язык средств массовой информации, социальных сетей и поисковых систем. Кроме английского, в медийном поле и онлайн-коммуникации, по мнению участников опроса, активно представлены чви (46,9 % – 30 респондентов), га (15,6 % – 10 респондентов), отмечается доступность информационного контента на языках эве (3,2 % – 2 респондента) и фанте (4,7 % – 3 респондента), из иностранных языков – на суахили (1,5 % – 1 респондент), французском (4,7 % – 3 респондента), испанском (6,4 % – 4 респондента), русском (7,8 % – 5 респондентов) языках. Для 37,5 % участников количество контента на коренных языках Ганы представляется достаточным и даже «изобильным» (*abundant*) – разумным будет предположить, что такой ответ давали респонденты, владеющие и пользующиеся наречиями чви и языками эве и га, поскольку, учитывая ответы на другие вопросы, чви (акан), эве и га относятся к наиболее популярным и широко поддерживаемым в образовательной, социально-экономической и др. среде; 45,3 % респондентов указали на ограниченность информационного

контента на локальных языках Ганы, 17,2 % – на его редкость. 56,3 % участников (36 человек) не имеют опыта использования цифровых и интеллектуальных инструментов (в частности, чат-ботов, машинных переводчиков и др.) для локальных языков, здесь доминирующая роль закономерно принадлежит английскому; тем не менее 43,7 % респондентов пользуются ИИ-инструментарием, разработанным для коренных языков (здесь речь вновь идет о чви – наиболее популярных наречиях языка акан – и языках эве и га – см. инициативы компании Google).

Большинство респондентов (84,4 %) считают, что языки народов Ганы должны преподаваться в школе и/или университете как отдельная учебная дисциплина и оценивают свой опыт изучения локального языка в образовательном учреждении как имеющий положительное влияние на общий уровень их образованности (87,5 %); 65,6 % участников полагают, что есть ганские языки, находящиеся под угрозой исчезновения, и, соответственно, нуждающиеся в защите со стороны общества и государства; 100 % респондентов высказали мнение, что знание местных языков способствует сохранению культуры и ценностей народов и этносов, говорящих на данных языках.

По мнению 84,4 % участников (54 человека), главным инструментом сохранения языков коренных народов Ганы выступает семья, за-

тем – школа (67,2 %), СМИ – 48,4 %, правительство (28,1 %). В ответах респондентов на вопрос о ключевых действиях и инициативах со стороны правительства по сохранению локальных языков и проведению плюралистической языковой политики в Гане предлагается весьма широкий репертуар мер, которые представляются респондентам эффективными – некоторые из них созвучны инициативам, успешно применяемым и/или апробированным в других государствах, другие носят более оригинальный характер и отражают языковую и социальную ситуацию конкретного государства.

К традиционным мерам следует отнести меры юридического характера – принятие законов, обязывающих и регламентирующих преподавание локальных языков в образовательных учреждениях разных уровней, официальный переход к мультилингвизму и закрепление за местными языками (в частности, чви (акан)) статуса государственного (официального) языка, регламентация использования местных языков в публичном пространстве и СМИ, личный пример политиков и членов правительства, использование местных языков при общении с потенциальным работодателем и др.; среди эффективных мер экономического плана респонденты называют инвестиции в систему школьного и университетского образования, в частности, подготовку педагогов по языкам коренных народов Ганы, создание учебников и

учебных ресурсов для обучения местным языкам, коллаборации с представителями бизнеса и технологий в целях создания ИИ-инструментов для обработки и систематизации локальных языков, учреждение стипендий для учащихся (студентов), выбирающих в процессе получения образования предметы, связанные с углубленным изучением местных языков, и др. К более специфичным для Ганы проблемам можно отнести недостаточную осведомленность населения по вопросу сохранения языков коренных народов. Участники опроса видят решение проблемы в реализации публичных и культурных инициатив, включая создание на местных языках рекламного контента, кино- и телевизионных фильмов, музыки и песен, учреждение Дней языков коренных народов Ганы и т. д. Респонденты в целом положительно оценивают мультиязычный и поликультурный контекст, сложившийся в стране, считают изучение разных языков (как местных, так и иностранных, в том числе русского) безусловным преимуществом и залогом личного и профессионального развития.

Заключение

Таким образом, язык выступает ключевым элементом этнической и культурной идентичности, формируя уникальную картину мира через систему ценностей, исторический опыт и когнитивные модели. В многонациональных государствах, таких как Гана, языковая политика становится стратегическим

инструментом балансирования между интеграцией через доминирующий язык и сохранением культурного многообразия.

Выбор английского языка в качестве официального в Гане определяет ориентацию государства и общества на глобальную культуру и глобальные ценности, а также способствует распространению ценностей, создаваемых бывшей метрополией. Доминирование одного (английского) языка в образовании и административно-правовой сфере, с одной стороны, обеспечивает интеграцию и социальную мобильность населения и содействует трансляции ценностей, связанных с открытостью и эффективностью действий, прозрачностью информации и др., с другой – может привести к культурной ассимиляции меньшинств и утрате их этнокультурной идентичности. В социальном плане, особенно в условиях неполной доступности или низкого качества образования, результатом такой политики становится закрытость и замыкание элит и отсутствие вертикальной мобильности, социального лифта. Соответственно, актуальность приобретает политика использования в общественно значимых сферах нескольких языков, что будет способствовать сохранению культурного разнообразия и инклюзии, улучшать возможности достижения финансового, социального и психологического благополучия населения. Насущным остается и вопрос каче-

ства преподавания официального (английского) языка в государственных школах Ганы.

Шаги по диверсификации языковой политики в Гане с целью сохранения этнокультур и их ценностей, укрепления «чувства принадлежности» к определенной этнической и языковой группе, национальной и этнокультурной идентичности, а также повышения уровня грамотности и осведомленности населения и доступности благ предпринимаются в разных сферах и посредством разных программ и решений. Это законодательные, образовательные, культурные инициативы, а также

либерализация СМИ и цифровизация языков (например, локализация Google).

Эффективность языковой политики в Гане зависит от успешности синхронизации мер в экономике, образовании, СМИ и законодательстве, а также грамотности шагов по ее (политики) ресурсному и кадровому обеспечению. Для устойчивого развития Гане требуется единая стратегия, сочетающая укрепление государственного языка с защитой этнического многообразия, обеспечение политической воли и совместных решений с участием всех заинтересованных сторон.

Библиографический список

1. Багана Ж. Языковая политика на территории Африки в колониальный период // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2012. №18 (137). С. 40–46.
2. Бекова Р. М. Политика сохранения национальной языковой идентичности на примере валлийского языка // Право и управление. XXI век. 2023. Т. 19, № 4 (69). С. 108–115.
3. Бойчук Е. И. Сотрудничество российских педагогических вузов со странами Западной Африки (опыт центров открытого образования) / Е. И. Бойчук, И. А. Воронцова // Ученые записки Института Африки РАН. 2025. Т. 11. №2. С. 92–105.
4. Замятин К. Ю. Разработка концепции государственной языковой политики: проблемы согласования бюрократического и академического подходов // Социолингвистика. 2023. №4 (16). С. 119–143.
5. Малев А. В. Аксиологические аспекты реализации языковой политики России в профессионально-методической подготовке учителя иностранного языка / А. В. Малев, С. В. Чернышов // Преподаватель XXI век. 2019. №4-1. С. 32–43.
6. Михальченко В. Ю. Проблема адекватности языковой политики и языковой ситуации в многонациональных странах // Мир науки, культуры, образования. 2024. №4 (107). С. 416–417.
7. Петербургский М. Ю. Языковые права национальных меньшинств в системе российского образования // Сравнительное конституционное обозрение. 2019. №1 (128). С. 79–91.
8. Сабирова Д. Р. Сохранение и развитие языков коренных народов в Республике Гана / Д. Р. Сабирова, Р. Тенкоранг // Казанский лингвистический журнал. 2021. № 1(4). С. 93–110.

9. Сабирова Д. Р. Языковая ситуация в поликультурном образовательном пространстве Республики Гана / Д. Р. Сабирова, Р. Тенкоранг // Современные проблемы науки и образования. 2020. № 2. С. 73–82.
10. Сиака Н. В. Формирование английского языка межкультурного общения в Африке (на материале культуры Ганы). Санкт-Петербург, 2004. 24 с.
11. Слышкин Г. Г. Языковая политика: аксиология и прагматология // Взаимодействие языков и культур: материалы Международной научной конференции, Челябинск, 28–30 мая 2018 года / Министерство образования и науки Российской Федерации; Южно-Уральский государственный университет; Институт лингвистики и международных коммуникаций; Тяньцзиньский университет иностранных языков. Том 2. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ. 2018. С. 110–113.
12. Худоренко Е. А. Языковая политика России в контексте евразийской интеграции // Политическая наука. 2020. №2. С. 163–182.
13. Шульгина Н. П. Языковая политика как отражение ценностей многонационального государства / Н. П. Шульгина, Н. П. Бугаенко // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2014. №2. С. 7–15.
14. Aboagye Da-Costa C. Language Practice and the Dilemma of a National Language Policy in Ghana: The Past, Present and Future Future / C. Aboagye Da-Costa, A. Adade-Yeboah // International Journal of Humanities and Social Science. 2019. Vol. 9. No 3. Pp. 142–149.
15. Anyidoho A. Shifting Sands: Language Policies in Education in Ghana and Implementation Challenges // Ghana Journal of Linguistics. 2018. 7.2. P. 225–243.
16. Buzasi K. Linguistic situation in twenty sub-Saharan African countries: A survey-based approach // African Studies. 2016. Vol. 75, No. 3. P. 358–380.
17. Davis E., Agbenyega J. S. Language policy and instructional practice dichotomy: The case of primary schools in Ghana // International Journal of Educational Research. 2012. Vol. 53. P. 341–347.
18. Dymet M. Digital language divide in the European High North: The level of online presence of minority languages from Northern Finland, Norway and Sweden // The Yearbook of Polar Law Online. 2019. Vol. 10. No. 1. P. 245–274.
19. Owu-Ewie C. The Language Policy of Education in Ghana: A Critical Look at the English-Only Language Policy of Education // Selected Proceedings of the 35th Annual Conference on African Linguistics, ed. John Mugane et al. 2006. P. 76–85.
20. Wornyo A. A. Language Policy Debate in Ghana: A Means of Elite Closure // Sociology Study. 2015. Vol. 5. No.8. P. 643–652.
21. Zaugg I. A. Digital inequality and language diversity: An Ethiopic case study // Digital inequalities in the global south. Cham: Springer International Publishing. 2020. P. 247–267.

Reference list

1. Bagana Zh. Jazykovaja politika na territorii Afriki v kolonial'nyj period = Language policy in Africa during the colonial period // Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, jazykoznanija. 2012. №18 (137). S. 40–46.

2. Bekova R. M. Politika sohraneniya nacional'noj jazykovej identichnosti na primere vallijskogo jazyka = The policy of preserving national linguistic identity using the example of the Welsh language // Pravo i upravlenie. XXI vek. 2023. T. 19, №. 4 (69). S. 108–115.
3. Bojchuk E. I. Sotrudnichestvo rossijskikh pedagogicheskikh vuzov so stranami Zapadnoj Afriki (opyt centrov otkrytogo obrazovanija) = Collaboration of Russian pedagogical universities with West African countries (open education centers' experience) / E. I. Bojchuk, I. A. Voroncova // Uchenye zapiski Instituta Afriki RAN. 2025. T. 11, №2. S. 92–105.
4. Zamjatin K. Ju. Razrabotka koncepcii gosudarstvennoj jazykovej politiki: problemy soglasovanija bjurokraticheskogo i akademicheskogo podhodov = Working out the concept of state language policy: coordination of bureaucratic and academic approaches // Sociolingvistika. 2023. №4 (16). S. 119–143.
5. Malev A. V. Aksiologicheskie aspekty realizacii jazykovej politiki Rossii v professional'no-metodicheskoi podgotovke uchitelja inostrannogo jazyka = Axiological aspects of implementing the Russian language policy in professional and methodological training of a foreign language teacher / A. V. Malev, S. V. Chernyshov // Prepodavatel' XXI vek. 2019. №4-1. S. 32–43.
6. Mihal'chenko V. Ju. Problema adekvatnosti jazykovej politiki i jazykovej situacii v mnogonacional'nyh stranah = The issues of the language policy adequate to the language situation in multinational countries // Mir nauki, kul'tury, obrazovanija. 2024. №4 (107). S. 416–417.
7. Peterburgskij M. Ju. Jazykovye prava nacional'nyh men'shinstv v sisteme rossijskogo obrazovanija = Linguistic rights of national minorities in the Russian education system // Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie. 2019. №1 (128). S. 79–91.
8. Sabirova D. R. Sohranenie i razvitie jazykov korennyh narodov v Respublike Gana = Preservation and development of indigenous languages in the Republic of Ghana / D. R. Sabirova, R. Tenkorang // Kazanskij lingvisticheskij zhurnal. 2021. № 1(4). S. 93–110.
9. Sabirova D. R. Jazykovaja situacija v polikul'turnom obrazovatel'nom prostranstve Respubliki Gana = The linguistic situation in the multicultural educational space of the Republic of Ghana / D. R. Sabirova, R. Tenkorang // Sovremennye problemy nauki i obrazovanija. 2020. № 2. S. 73–82.
10. Siaka N. V. Formirovanie anglijskogo jazyka mezhkul'turnogo obshhenija v Afrike (na materiale kul'tury Gany) = Formation of English as a language of intercultural communication in Africa (based on the culture of Ghana). Sankt-Peterburg, 2004. 24 s.
11. Slyshkin G. G. Jazykovaja politika: aksiologija i praksologija = Language policy: Axiology and praxeology // Vzaimodejstvie jazykov i kul'tur: materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Cheljabinsk, 28–30 maja 2018 goda / Ministerstvo obrazovanija i nauki Rossijskoj Federacii; Juzhno-Ural'skij gosudarstvennyj universitet; Institut lingvistiki i mezhdunarodnyh kommunikacij; Tjan'czin'skij universitet inostrannyh jazykov. Tom 2. Cheljabinsk : Izdatel'skij centr JuUrGU. 2018. S. 110–113.
12. Hudorenko E. A. Jazykovaja politika Rossii v kontekste evrazijskoj integracii = Russian language policy in the context of Eurasian integration // Politicheskaja nauka. 2020. №2. S. 163–182.
13. Shul'gina N. P. Jazykovaja politika kak otrazhenie cennostej mnogonacional'nogo gosudarstva = Language policy reflecting the values of a multinational state /

N. P. Shul'gina, N. P. Bugaenko // *Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Lingvistika i pedagogika*. 2014. №2. S. 7–15.

14. Aboagye Da-Costa C. Language Practice and the Dilemma of a National Language Policy in Ghana: The Past, Present and Future / C. Aboagye Da-Costa, A. Adade-Yeboah // *International Journal of Humanities and Social Science*. 2019. Vol. 9, No 3. Pp. 142–149.

15. Anyidoho A. Shifting Sands: Language Policies in Education in Ghana and Implementation Challenges // *Ghana Journal of Linguistics*. 2018. 7.2. P. 225–243.

16. Buzasi K. Linguistic situation in twenty sub-Saharan African countries: A survey-based approach // *African Studies*. 2016. Vol. 75, No. 3. P. 358–380.

17. Davis E., Agbenyega J. S. Language policy and instructional practice dichotomy: The case of primary schools in Ghana // *International Journal of Educational Research*. 2012. Vol. 53. P. 341–347.

18. Dymet M. Digital language divide in the European High North: The level of online presence of minority languages from Northern Finland, Norway and Sweden // *The Yearbook of Polar Law Online*. 2019. Vol. 10, No. 1. P. 245–274.

19. Owu-Ewie C. The Language Policy of Education in Ghana: A Critical Look at the English-Only Language Policy of Education // *Selected Proceedings of the 35th Annual Conference on African Linguistics*, ed. John Mugane et al. 2006. P. 76–85.

20. Wornyo A. A. Language Policy Debate in Ghana: A Means of Elite Closure // *Sociology Study*. 2015. Vol. 5. No.8. R. 643–652.

21. Zaugg I. A. Digital inequality and language diversity: An Ethiopic case study // *Digital inequalities in the global south*. Cham: Springer International Publishing. 2020. P. 247–267.

Статья поступила в редакцию 22.06.2025; одобрена после рецензирования 20.07.2025; принята к публикации 15.08.2025.

The article was submitted on 22.06.2025; approved after reviewing 20.07.2025; accepted for publication on 15.08.2025